На следующий день Турнира учебных боев Академии Антимагии. Второй матч. Ясное небо, хорошая погода. И именно в этот идеальный для турнира день микрофон комментатора загудел.

Все члены взвода мелких сошек уже сидели на скамейке ожидания.

Три девушки сидели на скамейке в следующем порядке: Икаруга справа, Мари по центру, а Усаги слева. Ляпис же примостилась с краю.

Такеру, который за их спинами подготавливал снаряжение, кинул взгляд на поле.

Сейчас там проводился показ.

В первый день выступала известная певица-идол, сегодня же проводили демонстрацию драгунов. В отличие от старой модели, с которой Такеру и остальные столкнулись во время конфискации Магического наследия «Сумасбродные псалмы», это были последние модели.

Икаруга тяжело дышала от вида драгунов, скользящих по полю на высокой скорости.

— Ох-хо! Корпус покрыт тонким слоем орихалка… Виброклинок?! Он же стоит как фюзеляж самолета! А эти почти что человеческие движения, возможные благодаря мягкому приводу! Как не поставить такое на поток?! Вздор! Э-э-эта новая модель слишком возбуждающая… — Икаруга пустила слюну и неотрывно следила за машиной на поле.

— Что в них такого интересного?.. Обычная марионетка, разве нет? — со скучающим видом проворчала Мари, глядя на драгуна.

— За непонимание великолепия драгунов Никайдо лишается двенадцати процентов жизни.

— Не очень-то и хочется…

— Эта форма, рев мотора, эти движения и блеск! Роботы по-своему эротичны, и людям этого не перенять.

— …Ты извращенка, что ли?

— Извращенка?! — оглушительно вскрикнула Икаруга.

Презрительно глядя на нее, Мари отодвинулась.

Сдвинувшись, она задела плечом Усаги.

Усаги…

— Уа-а…

…дрожала, прижав винтовку к груди. Лицо ее имело мертвенно-бледный оттенок, а губы — пурпурный.

— Я слышала о твоей боязни публики, но как ты до сих пор выживала-то?

— За-за-замолчи. Я-я-я пытаюсь сосредоточиться. Н-н-не говори со мной.

— Если это сосредоточенность, то я сейчас в полнейшей прострации. — Мари встала со скамейки и потянулась. — Да что с этим взводом… ну, если я тут, победа более чем вероятна. Эй, Такеру, ты ведь тоже так думаешь?

Мари неловким движением подняла пистолет-пулемет и направила дуло в спину Такеру.

Однако Такеру беспокойно озирался и не обратил на девушку внимания. Мари, которую проигнорировали после того, как она встала в такую крутую позу, недовольно надулась.

— …Зачем ты так головой вертишь?

— Просто Отори сказала, что немного опоздает, а уже так поздно. Она сегодня не пришла на занятия, я слегка волнуюсь.

— …Что ты все «Отори» да «Отори», тебе меня не достаточно?

Такеру закончил с приготовлениями, поднялся и принялся разминать затекшие плечи.

— Достаточно, но Отори наш ас. Если ее не будет, наша сила уменьшится на восемьдесят процентов.

Он и остальные трое составляли только двадцать процентов боевой силы взвода.

Мари подошла к Такеру, разминавшему плечи, и с деланным недовольством наклонилась вперед.

— Что с тобой?! И ты еще командиром себя называешь? Доверяй своим подчиненным больше!

— Н-не так близко. Я доверяю, но нужно быть реалистами.

— Почему ты говоришь о реализме, хотя сам мечник? — Мари стукнула Такеру в грудь дулом пистолета и, закрыв один глаз, весело рассмеялась. — Раз уж я участвую, то хочу победить. Полагаюсь на тебя, командир.

Такеру в ответ слабо улыбнулся.

Мари по различным причинам с самого утра пребывала в высоком расположении духа. Ее не волновало, победят они или проиграют.

Такеру тоже хотелось выиграть, раз уж он участвовал. Поначалу он был против затеи Усаги, но теперь, увидев такую улыбку Мари, юноша начал думать, что это было хорошей идеей.

— И все же она опаздывает. Может, испугалась?

— Крайне маловероятно, — горько усмехнулся Такеру в ответ на подозрительность Мари.

В ту же секунду, словно дождавшись этого, открылась задняя дверь.

— …Простите, опоздала.

Вошла, как и ожидалось, Ока.

Втащив за собой немыслимо огромный кейс для оружия, Ока остановилась перед Такеру и остальными.

— О-о, опаздываешь, будто отличники чем-то лучше остальных. А я уже начала думать, что ты испугалась, — попыталась спровоцировать ее Мари.

Ока пристально посмотрела на нее.

— Ч-что… Я пошутила. Не принимай всерьез.

Ока тут же отвела глаза от Мари и вперилась взглядом уже в Такеру.

— Кусанаги… Извини, нужно немного поговорить.

«О чем?» — подумал не ожидавший такого Такеру.

Лицо Оки просто светилось серьезностью. Присмотревшись, можно было заметить, что ее волосы утратили обычный блеск, а под глазами образовались темные круги.

Ока явно ужасно устала.

— Что такое, Отори?.. Что-то случилось?

— Времени нет. Давай выйдем.

Такеру растерялся, а Мари обеими руками изобразила знак вопроса.

Ока прошептала на ухо озадаченному Такеру:

— Это насчет Мари Никайдо.

Такеру кинул на Мари взгляд.

— Хм? Что?

Во взгляде Мари, на которую смотрели два человека, появилось непонимание.

Ока вышла в коридор.

Такеру, испытывая необъяснимое беспокойство, сказал остальным подождать немного и последовал за Отори.

Ока прислонилась спиной к стене и скрестила на груди руки.

— …Почему ты хотела поговорить о Мари? — робко спросил Такеру.

Девушка закрыла глаза и вкратце рассказала об увиденном документе.

…

…

— Не может быть…

После слов Оки с лица Такеру исчезло всякое выражение.

***

Зрительские места турнирной арены Академии Антимагии.

Хаято Курогане спокойно сидел на гостевом месте, окруженный толпой людей.

Вместо формы инквизитора он надел черный костюм. Видимо, не хотел, чтобы его засекло вражеское наблюдение. Но на обычного человека он совсем не походил.

— …Всем спригганам, доложить обстановку.

«У главного входа пока никаких проблем. Взрывчатку никто не проносил».

«У задних ворот, внешней стены, запретной зоны и башни с Магическими наследиями тоже без происшествий. Патрули есть и в самом здании академии, но отчетов пока не поступало».

Услышав отчеты подчиненных, Хаято прищурился.

— Продолжайте наблюдение. Сегодня заканчивается действие заклинания потери памяти. Противник непременно появится. Не расслабляйтесь.

Хаято сцепил руки и обратил все внимание на арену.

Правой рукой он постоянно касался висящего на груди Пожирателя реликтов, готовый выстрелить в любую секунду.

— О, Курогане-кун. Как дела? — прозвучал сбоку голос.

Хаято посмотрел туда.

В проходе стоял человек в белом костюме и попкорном в руках… Согэцу Отори.

— Тут опасно. Пожалуйста, вернитесь в свой кабинет. Я буду докладывать обстановку.

Согэцу проигнорировал просьбу Хаято и сел.

— Ты как обычно суров. Нужно быть мягче.

— Если вы так думаете, то увеличьте персонал. Тогда мне будет спокойнее.

— В Инквизиции пока нет надежных людей, кроме тебя, так что это сложновато, — тихонько

рассмеялся Согэцу, заталкивая в рот попкорн. — Кстати, есть о чем доложить?

— Директор, ваша дочь, судя по всему, узнала правду о Мари Никайдо. Прошлой ночью она что-то вынюхивала на месте преступления.

— О, вот как? Хм-м… ну, ничего. Даже если Ока рассказала Кусанаги правду, колебаться он не станет, — спокойно ответил Согэцу, словно все так и планировалось, и положил в рот попкорн.

Хаято, не изменившись в лице, скосил глаза на Согэцу.

— Проблем бы не возникло, даже если бы вы сразу сказали ему правду?

— И Кусанаги-кун, и Ока не согласились бы использовать ведьму, утратившую память, в качестве приманки. Переубедить их было бы сложно. А так Кусанаги-кун будет защищать Мари-кун независимо от того, что на них нападет. Не нужно было говорить ему правду.

— …

— Из-за прошлого происшествия он не сможет бросить человека в беде. — Согэцу, ко всему прочему, дрожал от предвкушения. — …Явится ли Вальгалла?

— Я не знаю.

— Вот как. Ну, если они не появятся, это будет большим разочарованием. Тогда мне придется немного покопаться в голове Мари-кун.

— …

— Ты ведь не считаешь, что противник не придет?

— …Интуиция. Доказательств нет.

Услышав это, Согэцу, обрадовавшийся до глубины души, разразился странным смехом.

— Твоя интуиция часто попадает в яблочко.

Он с радостным видом положил в рот попкорн.

Начался второй матч турнира, и Согэцу, выкрикнув «Браво!», зааплодировал.

Хаято продолжил наблюдать за ареной.

***

Раздался гудок, сигнализирующий о начале матча. Члены взвода мелких сошек разбежались на условленные позиции.

Мари, как и планировалось, тоже храбро бросилась было вперед, но Такеру остановил ее, удержав за плечо.

— …Ты чего? Разве матч не начался?

— Мари, не отходи от меня.

— Э? А как же план? Я должна…

— Слушай меня! — твердо сказал Такеру.

Мари озадаченно наклонила голову.

Такеру же с необычайно серьезным видом сказал в микрофон:

— Усаги, действуй по плану. Отойди подальше от нас.

«Хм? Поняла. Снайперы так и работают».

Затем Такеру обменялся взглядами с Окой, которая стояла рядом.

Так коротко кивнула.

— Ч-что? Каков план?

— Держись рядом со мной. Все будет хорошо.

«Все будет хорошо… что?» — Мари вопросительно посмотрела на Такеру.

Такеру, на лбу которого выступила испарина, нервно огляделся.

— Кусанаги, тебя отовсюду видно. Спрячься.

— Понял…

— П-постойте?!

Ока толкнула Мари в спину, и на полной скорости бросилась куда-то.

Мари сама не зная, почему последовала за Такеру, который действовал с необычайной осторожностью.

Через пять минут после начала матча. Прячась от взглядов зрителей, Такеру и Мари пересекли поле и оказались неподалеку от площади с фонтаном.

— …Они здесь. Вижу всех пятерых из учебного взвода, — доложила Ока из укрытия. — Здание напротив, имитирующее церковь… Один человек на колокольне, вероятно, снайпер. Еще один у входа… думаю, стрелок. Один человек за фонтаном, еще двое за обломками по обеим сторонам.

— Что делаем?

— Времени на разведку нет, как и пристойного плана. Хотелось бы подставиться под огонь, чтобы закончить побыстрее.

Краем глаза глядя на вспотевшую Оку, Такеру положил руку на рукоять меча.

— Если Вальгалла атакует сейчас… придется туго, у нас нет оружия.

— Проносить на поле смертельное оружие запрещено. Обмануть настолько тщательный досмотр невозможно. Если нас атакуют, придется призвать Пожиратели реликтов. Есть запасное оружие на лавке, но до нее далеко, так что взять его будет проблематично.

Такеру и Ока с угрюмыми лицами придавили Мари с обеих сторон.

— …Э-э, почему я должна стоять между вами? И этот разговор о смертельном оружии. Что вообще происходит? — озадаченно спросила Мари.

Такеру не стал объяснять и просто посмотрел на нее.

— …Тебе не нужно ни о чем думать. Мы обязательно тебя защитим.

— Защитите?.. От чего? — беспокойно переспросила ничего не понимающая Мари.

Такеру не ответил.

Сейчас не время рассказывать ей правду… Это только собьет ее с толку.

Правда, что он услышал от Оки, будет слишком тяжела для Мари.

Если бы можно было хотя бы объяснить спокойно…

С этими мыслями ни Такеру, ни Ока не двигались с места. Со стороны зрителей раздались крики:

— Чем вы занимаетесь?! Сражайтесь!

— Не интересно смотреть, как вы ничего не делаете!

— У вас вообще есть мотивация?!

Многочисленные крики раздражали Такеру и остальных.

Будет плохо, если так продолжится. Если сменить место, нельзя будет гарантировать безопасность Мари.

Только Такеру подумал об этом, как…

— Кусанаги! За кого ты нас считаешь?! Ха-а?!

В центре поля, за фонтаном, появился командир 15-го учебного взвода, Кёя Киригая.

Держа в руках штурмовую винтовку, Кёя, на виске которого вздулась вена, яростно смотрел на Такеру.

— Ты вообще сражаться собираешься?! Я сокрушу тебя в честном поединке! Или вы хотите, чтобы мы вас как букашек раздавили?!

Он нарочно раскрыл себя, чтобы выманить их.

Кёя Киригая серьезен и имеет привычку грубить. Но, несмотря на это, он прямолинеен и считает, что сражаться нужно честно.

…Напряжение немного спало.

— Было бы хорошо побыстрее подставиться и выбыть, но… похоже, это невозможно.

— Ничего не поделаешь… Придется хотя бы притвориться, что сражаемся, — Такеру горько ухмыльнулся.

И сразу же после этого…

Услышал тихий посторонний звук.

— Стой!

Такеру остановил Оку и прищурился.

Он явно что-то слышал, хотя зрительские крики и заглушали это.

Звук разбрызгивающейся жидкости.

Такеру посмотрел на поле, проверяя противников, о которых недавно говорила Ока.

…Их не было.

Весь 15-й взвод, за исключением Кёи, неожиданно пропал.

— Как же ты бесишь! Эй, взвод! Не стрелять! Я его сам изобью! — прокричал в интерком Кёя.

Не услышав ответа, он нахмурился.

— Эй, вы меня слышите?! Отвечайте, сволочи! — вновь прокричал он, брызгая слюной.

В эту секунду…

Из живота Кёи неожиданно вырос черный шип.

— …Э?

Кёя потрясенно посмотрел вниз.

В этот момент у парня изо рта пошла кровь.

Выросшие из живота Кёи шипы начали извиваться и на огромной скорости устремились к Мари.

Такеру тут же запустил Сомато и обнажил тренировочный меч.

Клинок оказался точно на пути шипов и блестяще их отразил.

Отбитые шипы принялись извиваться и кричать, словно насекомые.

— Что… это?..

Невероятное зрелище сбило Такеру с толку.

Он увидел, как вдалеке Кёя рухнул на землю.

Позади него в дверях церкви появилась…

— Э… это… не… я…

…Акира Ёсимидзу, медик 15-го взвода.

Такеру не понимал, какова обстановка, что происходит.

Ёсимидзу плакала. Рыдая, она вышла из церкви и направилась к ним.

Из ее тела росло огромное количество шипов.

— Ёсимидзу… ты!..

— Я-я не знаю! Это не я! Я ничего не делала!

— Тогда что это?!

— Я не знаю! Кусанаги-кун, помоги!..

Судя по душераздирающим воплям Ёсимидзу, она не врала.

Но шипы… точно росли из нее.

— Что делать?!

— Кусанаги, закрой Никайдо!

— Но как же Ёсимидзу?! А Кёя?!

— Сейчас главное защитить Никайдо!

Ока закричала на него, но Такеру по-прежнему не сводил с Ёсимидзу взгляда.

Он не мог бросить того, кто просил о помощи.

— Помо… ги… Кусанаги… кун… — протянула к нему худую руку девушка.

Но вместе со скрипучими звуками ее тело начало трескаться. Трещины быстро распространялись, разрушая тело Ёсимидзу.

— Куса… наги-ку…

— Ёсимидзу!

Такеру, не представлявший, что делать, потянулся к ней.

Тело Ёсимидзу в мгновение разбилось. В буквальном смысле рассыпалось на множество частей.

В ту же секунду из него начала выливаться черная жидкость и расти черные шипы.

Иначе как жутким это зрелище было не назвать. Вытекшие из тела Ёсимидзу жидкость и шипы соединились в огромное подобие цветочного бутона.

Такеру и его взвод, даже зрители лишились дара речи и смотрели на бутон, словно позабыв обо всем другом.

Спустя несколько секунд бутон перестал двигаться.

И, словно цветок под утренним солнцем, раскрыл лепестки.

Из этого бутона…

Из этого черного цветка…

— Аааааааллиииииилуууууйяаааа!

Неожиданно появился колдун, который, судя по всему, и сотворил все это.

Возбуждённо разведя руки, как актер на сцене, человек в одеянии священника с радостным видом обвел взглядом поле.

Стоя в окружении шипов, он с улыбкой раскланялся зрителям и в конце поклонился Такеру.

— Мы видимся впервые. Я командир разведывательного отряда Вальгаллы, Одержимый. Приятно познакомиться! В этот раз я тоже хочу поучаствовать в турнире учебных боев Академии Антимагии! Буду очень рад, если вы мне поаплодируете.

Мысли не понимающего, что происходит, Такеру замерли.

То же самое случилось и со зрителями. Сразу же после появления странного человека, зовущего себя Одержимым, они поняли, что он колдун.

На трибунах поднялась паника, сопровождаемая ужасными криками.

При появлении колдуна зрители заметались, пытаясь сбежать.

Одержимый с безумным смехом наблюдал за ними.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо всем!

Некоторое время Одержимый благодарил зрителей, затем расслабил плечи.

И медленно повернулся в сторону Такеру.

— Ну, я пришел тебе на помощь… моя Мари-сан.

Он дружелюбно улыбнулся.

Тем не менее, у Такеру и Оки по спине побежали мурашки.

— …К-кто… Откуда… ты знаешь мое имя… — Пытаясь отодвинуться от Одержимого, Мари сделала шаг назад. — Почему… Что… Что происходит?.. — испуганно спросила сбитая с толку девушка, в любой момент готовая бежать.

Услышав голос Мари, Такеру пришел в себя и пристально посмотрел на Одержимого.

Колдун двинулся к ним.

— В чем дело? Мари-сан, прошу, не пугайся так. Я пришел тебе на помощь.

— Нет… Не подходи!..

— О-о, твое испуганное лицо воистину прекрасно. Это невыносимо. Я хочу обнять тебя. Никогда этого не делал, но хочу. Хочу, чтобы ты испугалась еще сильнее, пока я обнимаю тебя.

Мари со слезами на глазах попятилась от его холодной улыбки.

Пугающий, словно сама Смерть, колдун приближался.

Такеру не мог позволить этого, поэтому загородил собой Мари.

Чтобы защитить ее.

— Уфу, уфу-фу-фу-фу! Весело. Я рад. Прежде Мари-сан никогда так меня не боялась. Не могу унять возбуждение.

Однако Одержимый не остановился.

Как будто совсем не замечал Такеру.

— Давай, испугайся еще сильнее, пожалуйста. После этого на моей сцене…

Одержимый протянул Мари руку.

В эту секунду раздался выстрел — пуля попала Одержимому в голову.

Жутко улыбающийся колдун пошатнулся.

Выстрел послужил лишь началом. Тело Одержимого прошило множество пуль.

— Гха!.. Гх!.. Гхе!..

Град пуль не прекращался, превращая колдуна в решето.

Такеру посмотрел на трибуны.

Там в ряд с винтовками наизготовку стояли инквизиторы.

***

— Продолжайте стрелять. Не останавливайтесь. Продолжайте стрелять, даже когда он превратится в решето, — отдал с трибун приказ всем инквизиторам Хаято Курогане.

Тело Одержимого на поле сильно дергалось, даже сейчас в него вонзались пули.

«Как? С Акирой Ёсимидзу никаких проблем не было!» — раздался из наушника озадаченный голос коллеги.

Хаято, наблюдая, как в Одержимого вонзаются пули, ответил:

— Противник — некромант. Скорее всего, настоящая Акира Ёсимидзу уже убита. Ты видела лишь копию, созданную им.

«Копию?..»

— Клона, гомункула. Обычный метод проникновения для некромантов. Клон Акиры Ёсимидзу, зараженный семенами магических организмов, послали в Академию. Семена проросли одновременно с началом турнира.

«Чтобы магические организмы разрослись настолько?! К тому же перемещение человека при помощи магических организмов… Я о таком не слышала!»

— «Сад белладонны». Самая еретическая магия. О ней все знают. — Хаято прищурился. — Я же говорил. Говорил, что они явятся за своей целью таким образом, какой мы и представить не можем.

«…»

— Такова суть магии. — Хаято переключил волну и отдал остальным приказ. — Охране сосредоточиться на эвакуации гражданских. Не дайте никому умереть.

«Есть!»

Услышав, как Хаято отдает подчиненным приказы, Согэцу, который жевал рядом попкорн, надулся.

— Не обязательно их эвакуировать. Главное схватить его.

— При всем моем уважении, директор, я не хочу жертвовать гражданскими. Пока я здесь, я не допущу повторения ада, как во время атаки Героя.

— Ты тогда был в командировке… Ну, ладно. Только если ты его поймаешь.

— Это невозможно. Нам не победить, если не убьем его.

— Мы ведь уже говорили об этом? Даже для тебя?

— Это невозможно.

— Хм-м… Информацию можно вытянуть даже из мертвого. Можешь убить его, только оставь в нормальном виде.

— Благодарю.

Согэцу явно веселился.

Одержимый под градом пуль рухнул на колени и, наконец, упал.

Убедившись в этом, инквизиторы прекратили огонь.

— Кто разрешал останавливаться?! — яростно проревел Хаято, распахнув глаза.

«Н-но он же упал…»

— Приготовиться к контратаке! Сейчас! — прокричал Хаято и достал оружие.

Оружием его был огромный черный револьвер пятидесятого калибра. Всего пять патронов. Красивая и все же грубая черная форма.

На стволе была выгравирована надпись «The Malleus Maleficarum I «Калигула».

Чуть откинувшись, Хаято прицелился в Одержимого.

Тогда же…

— Ку-у-у-у-ро-о-о-о-га-а-а-а-не-е-е-е!

Одержимый с жутким криком поднялся.

На мгновение сила притяжения перестала работать, и инквизиторы замерли на месте.

Колдун, лицо и тело которого покрывали пулевые отверстия, с хохотом повернулся к Хаято Курогане.

В ту же секунду из-под ног Одержимого, из «Сада белладонны» вылетели толстые шипастые щупальца.

Пять штук. И все они устремились не к самому Хаято, а к инквизиторам и пытающимся убежать гражданским.

Хаято плавным движением руки пять раз спустил курок.

Все пять пуль были выпущены в одно мгновение. Пять пуль пятидесятого калибра попали точно в цель.

Обычное оружие подобной мощью не обладало. Звук был как у противокорабельного орудия.

Пули оказались недостаточно мощными, чтобы убить щупальца, но сумели отклонить их.

— !

Но одно из щупалец отбросило в наблюдательную башню арены.

Щупальце врезалось в самое основание башни, и та начала падать в самый центр арены.

— Уходите! — крикнул Хаято инквизиторам.

С оглушительным грохотом, поднимая тучу пыли, башня рухнула ровно в центр поля.

Переждав тряску и облако пыли, Хаято сразу же прокричал в интерком:

— Доложите потери!..

«Левое крыло на связи… Кха, кха… Есть раненые, но зрителям удалось избежать прямого удара».

«Правое крыло на связи. Много раненых. Погибших… мы не знаем сколько».

— Раненых оставьте гражданским и эвакуируйтесь. После эвакуации закройте ворота. Каково состояние 35-го учебного взвода?

«…Неизвестно. Связь не работает. Интерком сломан… или…»

Глаз Хаято дернулся.

И в ту же секунду юноша посмотрел на облако пыли. От подобного Одержимый бы не умер.

Охваченный дурным предчувствием, Хаято навел оружие на поле.

— …Где он…

Видимость ужасная. Никого не было видно.

Нет. На земле виднелся один силуэт.

Хаято хотел было прицелиться в него, как…

— «Число зверя».

Из облака пыли раздался голос, и под фигурой появился огромный магический круг.

В ту же секунду Хаято увидел поднявшегося Одержимого, который показывал ему средний палец.

— Одержимый!..

— Пока, Хаято Курогане.

В это мгновение из центра магического круга Одержимого хлынула волна магической силы.

И сразу же в ушах Хаято зазвенело.

Появилась черная стена, закрывающая исключительно поле арены.

Хаято тут же спустил курок, но заклинание сработало на мгновение быстрее.

Черная стена остановила пулю, и та беззвучно упала на землю, так и не достигнув Одержимого.

Хаято стиснул зубы и неохотно опустил дуло.

— …Новая барьерная магия? — произнес Согэцу, глядя на появившийся барьер и с интересом потирая подбородок.

Растянутый Одержимым барьер напоминал движущуюся черную-пречерную тень, по поверхности которой скользило огромное число белых магических кругов.

— Плотность магической силы велика. Притом магическая формула и круг постоянно изменяются. Обычным способом его не пробить. Чтобы пробиться… нужен «Влад».

— …Отори внутри барьера. И призвать ее оттуда не представляется возможным. Судя по всему, барьер обладает способностью блокировать магическое вмешательство.

— Это анализ «Калигулы»?

— Да. Но даже Одержимый не сможет долго поддерживать такую плотность магической силы. Минут десять в худшем случае.

— …Значит, до этого момента мы ничего не сможем сделать, — хмурый Согэцу выбросил попкорн, который запорошило песком.

Как только попкорн коснулся земли, с трибун раздался вопль.

— ?!

Хаято повернулся на крик и увидел, что один из спригганов висит в воздухе.

Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что он не летит.

Ему пронзили живот и подняли в воздух.

А сделала это новая модель драгуна, представленная на показе перед турниром.

— Кто им управляет?!

«Н-неизвестно! После окончания показа к ним еще никто не прикасался!»

— …Не может быть, — ужаснулся Хаято.

Неясное предчувствие. Худшее развитие событий.

Не может быть. Чтобы драгуны, оружие Инквизиции…

«Анализ драгуна завершен! Внутри никого! Система взломана!»

Одновременно с докладом, срывающимся на крик голосом, драгун отбросил инквизитора и нагнулся вперед.

— Вуо-о-о-о!

Раздался рев, совсем не похожий на рев машины. Искусственные глаза драгуна засияли красным, по корпусу, даже по треснувшей броне, разошлось нечто вроде сосудов.

Это была уже не машина, а что-то вроде гротескного живого организма.

Явно произошло вмешательство магии.

Всего драгунов было два — один слева, другой справа.

— Странно… Новые модели покрыты тонким слоем орихалка, антимагического материала.

Магическое вмешательство снаружи невозможно, если не пробить броню.

— …

— Возможно, вмешательство произошло при установке… или броня изначально не орихалковая. Без размышлений ясно, что последнее вероятнее.

— …Директор, прошу разрешения на использование Пожирателя реликтов.

— Я не возражаю. Уничтожь их. Мы не знаем, что сейчас происходит внутри барьера. Колдуна придется оставить Кусанаги-куну, — сокрушенно покачал головой Согэцу.

Получив разрешение, Хаято направился к драгунам.

Длинные пряди скрывали его лицо.

Юноша произнес в наушный микрофон.

— Всем эвакуироваться. Отступайте.

«Н-но тогда…»

— Отступайте. Я со всем разберусь.

Сказав это, Хаято отключил связь и поднял револьвер.

Открыл барабан и со щелчками вставил патроны.

Закончив заряжать пули, Хаято с силой крутанул барабан.

Затем поднял руку с оружием и посмотрел вверх. Из-за волос показались глаза тирана, полные жажды убийства.

Он посмотрел на драгунов и произнес:

— Время тирании. Калигула, взводи курок.

То был сигнал к началу борьбы.

Рука Хаято дрогнула от движения барабана.

Курок Пожирателя реликтов «Калигулы» звякнул.

Этот звук ознаменовал начало сражения Хаято Курогане.

***

Сразу же после обрушения наблюдательной башни. Посреди облака пыли Такеру поднялся и, захлебываясь от кашля, удостоверился, в безопасности ли Мари.

— Мари, ты как?

— Кха, кха… Все хорошо.

Такеру помог девушке подняться и проверил, не ранена ли она.

Удостоверившись, что с ней все в порядке, он облегченно вздохнул и быстро осмотрелся.

Неожиданная атака колдуна, которая прервала матч. Затем обрушение башни и разлучение с Окой.

Волнение за товарищей, смерть Кёи и Акиры.

Такеру нажал кнопку интеркома, пытаясь связаться с друзьями.

— …Бесполезно, не работает.

Такеру не получил никакого отклика из интеркома.

Мари тоже проверила свой интерком и покачала головой.

Такеру сжал кулаки от досады.

«…Черт. Я волнуюсь за них, но сейчас главное защитить Мари».

Такеру взял Мари за руку, желая отвести ее в безопасное место.

— …Похоже, сбежать не получится. Поставлен барьер.

Услышав это, Такеру поднял глаза и увидел, что арена закрыта плотной черной стеной, через которую практически не проходит солнечный свет.

Неудивительно, что уже некоторое время темно.

Только юноша об этом подумал, как…

— Бежать некуда, Мари-сан, — раздался из облака пыли голос.

Такеру стиснул зубы и повернулся на голос.

Там стоял противник Такеру Кусанаги.

— Вы только посмотрите. Во мне полно дыр. Это жестоко, я ведь надел свой лучший костюм.

— Ты!..

— Одеяние священника дорого стоит, знаете ли. Придется в очередной раз потратить весь день, чтобы зашить его. О, или его починит Мари-сан? Мари-сан на удивление хозяйственная, поэтому с легкостью с этим справится. О, или даже так. Зашьешь ли ты дыры в моем сердце, заставишь ли биться его сильнее?

Не обращая на Такеру никакого внимания, Одержимый с протянутой рукой постепенно приближался к Мари.

Такеру заставил Мари отступить и посмотрел на Одержимого.

— Уходи. Я с ним разберусь.

Сбитая с толку Мари сделала несколько шагов назад.

Одержимый остановился.

— …Меня уже некоторое время интересует один вопрос… Мари-сан, кто этот молодой человек? — с улыбкой спросил Одержимый, наклонив голову. — Быть может… он твой возлюбленный? Ах, нет, такого не может быть. Ведь у Мари-сан есть я. И Мари-сан не станет думать о ком-то другом, поэтому это невозможно. Я ведь люблю тебя, значит, и ты должна любить меня. А если ты меня не любишь, я расплачусь и буду вынужден тебя убить, хоть и не хочу…

— Заткнись, сталкер, — прервал поток слов Такеру и пристально посмотрел на Одержимого.

Улыбка колдуна не изменилась, но он впервые посмотрел на юношу.

— …Сдаюсь.

Одержимый, почесывая в затылке, повернулся к Такеру.

Теперь он приближался к юноше.

— Кто ты такой, чтобы мешать нашему с Мари-сан воссоединению? — с широкой улыбкой спросил он. — Не задирайся, сучонок, — с улыбкой прикрыв глаза, сказал Такеру колдун, словно тот был мусором.

Такеру остался спокоен.

— Это мои слова, чертов колдун, — с ненавистью выплюнул Такеру и вытянул перед собой правую руку.

В памяти. Нет, вырезано на сердце.

Сила слов, что содержалась в голове после атаки Героя.

Слова — воплощение антимагии, которые служат предупреждением.

Сигнал вызова партнера.

— Summis desiderantes affectibus…

Он резко отвел вытянутую вперед правую руку.

— …Malleus Maleficarum!

В то же мгновение под ногами Такеру возник лазурный магический круг.

Магический круг засиял и начал испускать лазурные частицы. Они облепляли Такеру, образуя нечто вроде минерала и превращаясь в доспех.

И наконец, после особенно яркой вспышки, в правой руке Такеру возник меч.

Пожиратель реликтов Мистелтейнн.

Меч, с которым Такеру заключил контракт. Меч, который разрубает магию.

«Системы в порядке. Соответствие сто процентов. Обращение в «Охотника на ведьм» завершено. Доброе утро, носитель», — раздался в голове голос Ляпис.

Превратившись в рыцаря в лазурных доспехах, Такеру встал в боевую стойку.

— …Ляпис, есть информация о противнике?

«Некромант Одержимый из вражеских сил, Вальгаллы. «Древний колдун», которому присвоен S-класс опасности. Помни об этом, пожалуйста».

S-класс… Другими словам, этот священник по силе равен монстрам довоенного периода.

— Сможем одолеть его?

Конечно, Такеру собирался сражаться, даже если бы победа была невозможна.

«В обычных обстоятельствах вероятность победы была бы равна пятидесяти процентам, но сейчас цель поддерживает барьер высокой плотности. В распоряжении цели имеется только небольшой объем магии. Вероятность победы — сто процентов».

Услышав это, Такеру пристально посмотрел на Одержимого.

Колдун несколько раз моргнул и смахнул со щеки пот.

— А ты… часом не тот, кто одолел Героя?

— …А что если так?

— Ничего, я не ожидал, что ты контрактор Пожирателя реликтов… З-знаешь, я не хотел причинять тебе зла и убивать. Вернее хотел, но я же тогда не знал, что ты обладатель Пожирателя реликтов.

— …

— П-понимаешь, Мари-сан — моя коллега. Старшие сказали спасти ее или убить, поэтому… э-э-э…

— Говори.

— Э-э-э, п-простишь меня? — со странно покорной улыбкой произнес Одержимый.

Лицо Такеру дернулось от злости.

Простить? Он сказал простить?

Простить… все это?

В глазах покраснело, разум заполнила жажда убийства.

— Увы… я не настолько добрый, — заявил Одержимому Такеру сиплым, словно звериным, голосом.

А в следующее мгновение сорвался с места.

Без капли жалости. Без капли сожаления. Без единого повода.

Он высвободил все, что имел, и попытался зарубить Одержимого.

Запустил Сомато, и весь мир замедлился.

Цель лишь одна. Заставить ничтожного колдуна харкать кровью.

Он увидел испуганное лицо колдуна: тот кричал.

Такеру вложил в удар все силы и попытался зарубить Одержимого сверху.

— ?!

Внезапно по спине Такеру пробежал холодок.

Мгновение назад испуганный Одержимый, несмотря на запущенный Сомато, неожиданно улыбнулся.

— Пронзай, Дайнслейф! — раздался в ту же секунду голос.

На скорости, за которой Такеру не смог уследить, что-то пронзило его грудь.

— Таке… Такеру! Очнись! Такеру!

«Носи… ль. Носитель. Пожалуйста, очнись».

Он открыл глаза. Сознание плыло. Не понимая, что происходит, он просто открыл глаза.

Попытался вдохнуть, но не смог.

Вместо этого изо рта исторглось огромное количество крови.

— …Что… произошло?..

«Противник нанес удар. Приношу извинения, мой анализ оказался ошибочен. Я должна была учесть возможность этого».

— Чем меня… ударили?..

«Если коротко, то это был просто выпад. Но…»

Такеру кое-как приподнял голову.

Впереди, прямо на линии взгляда, спокойно стоял человек в доспехах черных, как сама ночь.

Этот вид прямо как у…

— Впервые вижу Пожиратель реликтов в виде меча. Оправдай мои ожидания и повесели меня.

…Такеру в форме «Охотника на ведьм».

Но это лицо, несомненно, принадлежало Одержимому.

— Понятие «колдун слаб в ближнем бою» существует в играх. …Нахт, давненько ты не была в форме Героя, как состояние?

«Никаких проблем с частицами доспеха. Баланс магической силы в норме. Подтверждать все утомительно, так что просто скажу, что все окей. Прекрасное состояние».

Такеру услышал в голове чужой простодушный голос.

Чем-то он напоминал голос Ляпис. В неясном сознании Такеру родилась теория.

— …Не может быть, он тоже… Пожирателя реликтов…

«Нет, это утерянное Магическое наследие. Его имя «Дайнслейф»… форма отличается, но это меч скандинавского героя, который призывает разруху».

Услышав объяснение Ляпис, Такеру содрогнулся от ужаса.

Меч? Это меч? Я проиграл мечу?

— !..

Испытывая небывалое чувство поражения, Такеру попытался подняться.

«Лучше не двигайся. Правое легкое повреждено».

— А вылечить нельзя?..

«Дайнслейф обладает способностью наносить незаживающие раны. Лечение невозможно, возможна регенерация. Учитывая проблему…»

— …Это займет время.

«…Да. Еще раз приношу извинения. Я оказалась недостаточно полезна».

— Ха… О чем ты? Это я подставился!..

Ругая себя, Такеру снова попытался встать.

— Не надо, Такеру! Ты погибнешь! — Мари с душераздирающим криком вцепилась в него, не давая подняться.

Она плакала.

— Не делай… такое лицо…

— Но… ты…

— Я же… обещал защитить… тебя.

Мари дрожала и плакала от вида тяжелораненого Такеру, словно это была ее вина.

Такеру прикусил губу от своего жалкого состояния.

Только он сжал кулаки, как выплюнул кровь.

Сознание меркло. Одного выпада оказалось достаточно, чтобы все закончилось.

Разум он обмануть мог, но вот тело не лгало.

Пока Такеру продолжал себя ругать, Одержимый, облаченный в Магическое наследие, вновь улыбнулся Мари.

— Мари-сан, возвращайся. Ты же ведьма, тебе незачем тут оставаться.

— …

— Ты ведь сейчас у людей. А должна быть с нами, ведьмами.

Добавив в речь мягкости, Одержимый протянул Мари руку.

Дрожащая всем телом Мари отчаянно вжалась в Такеру, защищая его.

— Не сравнивай меня… с такими, как ты!.. Я тебя не знаю! — девушка оттолкнула руку Одержимого, отрицая его слова.

Колдун трижды моргнул.

— Не знаешь? Как же так? А-а, верно! Совсем забыл! Мари-сан все забыла из-за заклинания стирания памяти!

«Как беспечно».

— Беспечно, воистину беспечно. Пожалуйста, подожди, я сейчас же сниму заклинание.

Одержимый с горькой улыбкой поднял правую руку.

И, словно подзывая официанта, щелкнул пальцами.

В голове Мари словно щелкнул переключатель.

В ту же секунду негативные эмоции на лице, страх, заставляющий дрожать, — все исчезло.

Сознание Мари затопила мощная волна воспоминаний.

***

Магия существует не для того, чтобы вредить людям, а для того, чтобы приносить им счастье.

Некогда Мари гордилась этими словами.

Мари Никайдо выросла в сиротском приюте на границе.

Граница — современные трущобы. Из-за влияния «Катаклизма Акаши», произошедшего во время Охоты на ведьм, по всему миру стали возникать территории, названные «Кладбищами».

Даже сейчас вблизи Святилищ находятся руины, в которых нормальный человек по собственной воле ни за что не станет жить.

Но послевоенный хаос и возросший поток беженцев в те дни лишь увеличили разницу между богатыми и бедными. Беднякам оказалось негде жить, и они были вынуждены перебраться в руины близь Святилищ.

Прошло сто пятьдесят лет, а эти пограничные регионы по-прежнему собирают отбросов общества.

Мари выросла в месте хоть и находящемся на границе, но все же предназначенном для людей.

Заправляла приютом очень сильная ведьма. Она знала, что Мари ведьма, но все равно приняла ее. Все остальные дети были младше Мари, и, несмотря на проказы, она от всего сердца любила их.

Однако приют нуждался в деньгах.

Чтобы помочь всем, Мари зарабатывала деньги, втайне от директора совершая преступления с помощью магии. Поначалу она не чувствовала вины за помощь опасным компаниям и добычу опасных денег.

Когда директор узнала об этом, она не стала наказывать Мари, лишь с печальным лицом сказала на ей на ухо:

«Все причиненное зло вернется к тебе. Главное не навредить себе. Используй магию не во зло, а во благо».

«…»

«Магия существует не для того, чтобы вредить людям, а для того, чтобы приносить им счастье».

С тех пор Мари гордилась этими словами.

Она стала зарабатывать честным путем, и хотя денег по-прежнему не хватало, потекли счастливые деньки.

Но счастье никогда не длится вечно.

В одном инциденте Мари лишилась всего.

Одна из преступных шаек, с которой она порвала связь, подожгла приют.

Когда Мари добралась туда, было уже поздно — приют объяло пламя.

«Это моя вина» — обвинила себя Мари.

«Это моя вина» — продолжала винить себя она.

Когда она, глядя на полыхающий приют, потеряла все — даже волю к жизни…

Появился Одержимый из Вальгаллы.

«Дети из приюта находятся под опекой Вальгаллы. Сотрудничай с нами, если хочешь, чтобы мы отпустили их».

Это походило на шантаж. Одержимый сказал, что дети в безопасности, в качестве доказательства позволив ей услышать их, и что если она хочет увидеться с ними, она должна помочь Вальгалле.

Отказаться Мари не могла.

Ради детей она бы пошла на все, кроме убийства. Девушка уже не помнила, скольким людям навредила, скольких обманула.

Потому что все это время старалась не замечать этого.

Однако вскоре наступила реальность, от которой отвернуться она уже не могла.

Через несколько дней после того, как она по приказу Вальгаллы добыла фрагменты Экскалибура.

В день атаки Героя… улицы заполнили вопли отчаяния.

«Такого… не должно было случиться!..»

Ничто не могло оправдать смерти людей.

«Им не помочь… Из-за меня столько людей…»

Погибали все: и взрослые, и старики, и дети, и младенцы.

Мари подобрала младенца с тела его матери. «Он еще дышит, его еще можно спасти» — надеялась она, но ее надежда тут же обратилась в отчаяние.

Младенец, цеплявшийся к груди матери, посмотрел на нее. На его коже, которая потеряла розовый цвет, пробежали иссиня-черные сосуды.

«Ма… ма».

Сердце Мари разбилось при виде младенца, который превратился в демона, пожирающего трупы, и все равно звал свою маму.

***

— Это… моя вина.

Бормоча, Мари, к которой вернулась память, поднялась.

— Ну как? Вспомнила? — поинтересовался с виду обеспокоенный Одержимый.

Мари не ответила. Память вернулась, и девушка смотрела куда-то в пространство.

А затем, все с таким же взглядом, рухнула на колени.

Медленно закрыла лицо руками, придавленная грузом вины за все содеянное.

— Хорошо. Вижу, ты все вспомнила! Теперь понимаешь, что мы с тобой одинаковые?

— …У-у-у…

— Ты помогла призвать Героя. А когда я собирал трупы, ты ничего не стала делать. Мы вместе ответственны за ту резню.

— А-а-а!..

— Все хорошо, я не виню тебя. Ты ведь сотрудничала со мной, чтобы увидеться с детьми из приюта.

— Я… Что же я…

— Мари-сан, ты была в отчаянии, не так ли? Изо всех сил старалась спасти свою семью. Ты помогла дорогим тебе людям, пожертвовав кое-чем другим. Я считаю это очень благородным поступком, — мягко произнес Одержимый, хваля Мари.

Его лицо было полно любви, словно у настоящего священника.

— Но Мари-сан такая же, как я. Ты не пыталась усидеть на двух стульях и предпочла важных тебе людей посторонним. Ты отбросила их и не делала ничего, когда я собирал трупы. Ты хотела сбежать от меня. — Колдун с полным любви лицом опустошал сердце Мари. — Видишь? Мы одинаковы.

Его улыбка воплощала само отчаяние.

Отчаявшаяся Мари все повторяла: «Простите меня».

Она продолжала извиняться перед всеми.

Директор приюта, которая ее вырастила, научила ее, что использовать магию нужно во благо.

Верьте в меня и ждите, дети.

А затем она пожертвовала невинными людьми.

Когда она сотрудничала с ним, она четко это осознавала.

Она сама решилась на это. Сама выбрала зло.

Но… после утраты памяти и встречи с Такеру и остальными что-то изменилось.

Именно потому, что она ничего не помнила, правда оказалась невыносимо тяжелой. Вероятности, что она не преступница, не осталось. Мари отнюдь не была жертвой.

Он взял заложников, поэтому выбора у нее не оставалось. Такое оправдание не пройдет.

Ничего не подозревающую жертву оставили безо всего.

— Мари-сан восприимчивая… Даже мне весело и одновременно трудно наблюдать за тобой. Не вернешься ли ты со мной в Вальгаллу, чтобы избавиться от этих болезненных мыслей?

Мари обратила искаженное отчаянием лицо на Одержимого.

Тот развел руки, приглашая ее.

— Хоть это будет и против приказа сверху, давай встретимся с детьми из приюта, как вернемся. Если протянем еще чуть-чуть, начнется битва. К тому же я не стану убивать этого юношу, если ты пойдешь со мной. Все будут спасены.

— …

— Если ты вернешься ко мне, — колдун с улыбкой святого протянул ей руку. — Ты ведь не хочешь, чтобы из-за тебя все погибли, верно?

Мари с улыбкой отчаяния посмотрела на Одержимого. Такеру его не одолеть. Если так пойдет, весь Взвод мелких сошек перебьют.

Если она откажется, этот мужчина обязательно это сделает. Потому что так ему приказала Вальгалла. И потому что это нравится ему самому.

Он восторгается криками агонии других и с радостью убьет человека.

Пошатываясь, Мари поднялась и, отбросив все, двинулась вперед.

Она шла к источнику отчаяния.

В конце плачущая Мари, повернув к Такеру голову, с печальным видом произнесла:

— Все-таки я не та, кем ты меня считал. — Она не стала просить о помощи и продолжила. — Прости, Такеру. Я предала твои ожидания… Прости.

Лучших прощальных слов Мари придумать не смогла.

***

Потерявшего сознание Такеру посещали видения из прошлого.

Еще до того, как наставник обучил его Морохарю.

Воспоминание о времени, когда Такеру еще только учился фехтованию для убийства людей.

Воспоминание о времени, когда у него еще была семья.

«Выбор за тобой, Такеру», — сказал ему отец.

Такеру жил, ничего не зная, ничему не обучаясь, лишь закаляя тело и оттачивая владение мечом. Способ подчинить ярость внутри. Способ превратить ее в силу.

Вложить всю силу в меч и обезглавить противника.

Яростно, и все же спокойно.

Так наставлял его отец. Этому он научился у отца.

«Убить или защитить — решать тебе. Выбор только за тобой».

Таковы были последние слова отца.

Такеру не понял. Не понял их значения.

Если перед тобой враг, его просто нужно убить.

Просто обезглавить его взмахом меча.

Его учили этому с самого рождения.

«Б-братик…»

И все же.

Такеру не выбрал ничего.

Просто наблюдал.

Он плакал, видя, как пламя окутывает его мир.

Он ошеломленно наблюдал, как забирают близкого ему человека.

Что правильно? Как не допустить ошибку?

Как сделать выбор и не пожалеть о нем?

Вопрошая самого себя, Такеру сломался.

Что ни выбери, непременно пожалеешь.

Но все же.

Такеру осознал, что не выбирать вообще — наихудший грех.

Под рассветным небом.

Прося прощения у погибших людей, человек по имени Такеру Кусанаги направился к своему концу.

***

Такеру все слышал, пока спал.

Мари шла к отчаянию.

Она решила никем не жертвовать.

Но это ошибка, а не выбор.

Крича в душе об этом, Такеру сравнил свое прошлое с прошлым Мари.

«…Разные»

Едва оставаясь в сознании, Такеру слабо шевельнул пальцами.

«Мы с Мари… разные».

Вложив в руку силы, он сжал меч.

«…Она не такая, как я. Она может выбрать».

Через отверстие в легком со свистом дул ветер, причиняя ужасную боль.

Не обращая внимания на боль, Такеру вдохнул, чтобы подняться, и стукнул себя по ногам.

Такеру, в груди которого пылала ярость, поднялся, истекая кровью.

— Будто я тебя отпущу!..

Он вонзил меч в землю — стоять нужно любой ценой.

Он был измотан и тяжело ранен, но в глазах горело нежелание умирать.

Красные глаза пылали гневом. Юноша не потерял волю к борьбе.

— Мари… Мне нужно кое-что тебе рассказать… — произнес он, харкая кровью.

Девушка остановилась.

— Это… может быть тяжело для тебя…

— ?..

— …Но ты должна узнать правду…

Он вонзил меч дальше и подтянулся к нему.

— Дети из приюта, которым ты хотела помочь… — стиснув зубы, он сказал ей правду. Правду, которую она не знала даже после того, как к ней вернулась память. — …Дети, с которыми ты хотела встретиться!..

Он с трудом поднял голову. Болело не тело, а душа.

И сказал ей.

— Их уже нет в нашем мире!..

— ?.. — ошарашенная Мари повернулась к Такеру. — О… чем ты?

— Отори разузнала про тебя. О приюте на границе говорится в протоколе Инквизиции… Происшествие действительно было. Записи о нем остались.

— …

— Но… Найденное на месте преступления отличается от того, что ты помнишь.

По мере того, как Мари осознавала правду, к ее лицу возвращались цвета.

Смотреть на нее больно, но правду нужно рассказать, во что бы то ни стало.

— На месте преступления обнаружили… труп женщины, которая, судя по всему, была ведьмой… и пять обгоревших детских тел.

Мари потеряла дар речи и замотала головой.

— Н-неправда… Я же слышала их голоса. Они говорили со мной… по телефону… Я слышала их!

— Это правда… Отори не стала бы врать о подобном.

— Не верю! Я ведь говорила с ними о том, о чем никто больше не знает! Они даже называли меня сестренкой!

— …Мари.

— Нет, нет, нет! Я не верю! Ни за что не поверю! — Мари попыталась отринуть правду, которую сказал Такеру.

И все же его слова сильно задели девушку. Чтобы спасти Мари… нужно заставить ее горевать.

— Если не хочешь верить… Спроси у него самого.

Используя меч как трость, Такеру добрался до Мари и остановился.

И указал мечом-тростью на настоящего врага Мари.

— Выкладывай, колдун!

Одержимый вздохнул и покачал головой.

— А я-то думал, о чем ты… Ты об этом? Прошу простить, не могу сказать, что это ложь… Нахт, расскажи Мари-сан правду, — приказал Одержимый мечу в руке.

Мари не понимала, что он хочет сделать.

Но тут же поняла.

Что вся его правда была ложной.

«Сесьтленка такая наивная!»

«Не стоит так легко верить людям!»

«Сесьтленка всегда была доброй. Еще до смерти я соврала, что у меня не болит горло, чтобы ты купила мне молезеное».

«Сесьтленка, я люблю тебя».

«Ты слишком добрая. Я волнуюсь за твое будущее».

«Сесьтленка, я хочу в парк аттлякционов».

Из меча раздались голоса детей, которых она любила. Дорогие голоса, которые она помнила.

Мари ностальгически заплакала. Ей захотелось обнять дорогих ей детей.

Это сбило девушку с толку. Таинственное явление сводило ее с ума.

— Конечно, это лишь голосовая имитация. Они не настоящие. Нахт лишь воспроизводит извлеченные из тел воспоминания, — с улыбкой покачал головой Одержимый. — Но я не соврал. Я обещал, что ты встретишься с детьми. Обязательно встретишься.

— …

— Они ведь всего-навсего мертвы, верно?

— …

— Я же некромант, так? Я могу возродить их. Это довольно просто. Кстати, убил их тоже я, — Одержимый рассказал Мари правду, словно благословляя ее.

Она совершала преступление и все же хотела помочь им. Но теперь этому не бывать. Согревающее воспоминание оказалось ложью и теперь исчезало. Уже испарялось. Все оказалось иллюзией. В действительности все было впустую, не несло никакого смысла.

И все, кто погиб по вине Мари, умерли напрасно.

— …Не-е-е-е-е-е-е-е-е-е-ет! — над ареной раздался крик.

Печаль потери, тяжесть греха. Мари хотела, чтобы все закончилось.

Ее вопль очень обрадовал Одержимого.

— О-о-о, Мари-сан, ты лучшая! Как же мне хотелось услышать твои крики!.. Все будет хорошо! Пожалуйста, обними детей снова! Они немного замерзли, поэтому будут рады, если ты согреешь их своим телом! А, если попросишь, я даже приготовлю для тебя теплые тела! Не волнуйся, я взял их ДНК! Я могу создать клона или гомункула, и они будут выглядеть точно так же, как до смерти! Чтобы восстановить их Я, потребуется призвать души, но мы справимся! Пока ты их любишь, проблем не возникнет! Не важно, фальшивая ли семья, пока все любят друг друга! Все будут счастливы! И-хи-хи-хи-хи! И-хи-хи-хи-хи-хи! — прокричал некромант и безумно расхохотался.

Пиршество из экстаза, перемешавшегося с печалью, могло продолжаться вечно.

Конец отчаянию не наступал. Мари начала сходить с ума.

И остановить это мог лишь один человек.

Раздался холодный звук, и перед глазами Мари опустился лазурный меч.

Красивый, изящный и сильный меч словно обрубил отчаяние девушки.

— …Ты не сделала ничего плохого.

Хозяин меча произнес слова, дарующие спасение.

Но оно не дрогнуло. Сердце Мари не дрогнуло. Этого было недостаточно.

— Может, твой выбор и был ошибкой. Но если бы ты решила иначе, это все равно было бы ошибкой. Выбор, сделанный под давлением, никогда не бывает верным.

— …

— Ты сделала свой выбор. В этом нет ничего плохого. — Такеру повернул клинок. — Так кто тут плохой? Кто подлец? Это ясно с самого начала. — Он поднял меч и направил его на Одержимого. — Тот, кто хохочет вон там. Этот гнусный колдун! — выкрикнул Такеру, впуская в сердце демона.

Его голос достиг Мари. Она заплакала, все также смотря в землю.

— Но… нельзя сказать, что я ни в чем не виновата.

— Если ты действительно так думаешь, я не стану возражать.

— Я… не смогла спасти семью… и погубила стольких невинных людей.

— Если хочешь винить себя, я не стану тебя останавливать… Но!

Мари подняла глаза на спину Такеру.

Очень широкую спину в лазурном доспехе.

— Если ты желаешь искупления… то используй свою магию, чтобы помочь людям, которые умирают перед тобой, вместо того, чтобы продолжать винить себя. Разве ты не этого хотела?

— …

— Ты можешь не простить себя. Погибшие тоже могут тебя не простить. Но я считаю, что так ты искупишь свои грехи! — он говорил это, будто бы убеждая самого себя. — Если тебе станет трудно, если покажется, что тебя вот-вот раздавит.

— …Таке… ру…

— Если тебе захочется сдаться…

— Такеру…

— Тогда я взвалю на себя половину!

Выставив меч, Такеру приготовился к бою.

Чтобы отомстить за прошлые смерти.

Чтобы взвалить на себя половину грехов Мари.

— Такеру Кусанаги, посвящение в Кусанаги морохарю. Теперь я стану… Приготовься, колдун!

Начнем битву.

Чтобы закончить искупление. Чтобы защитить.

— Кхе-хе-хе!.. Слабо, слабо, слабо, слабо, слишком слабо! Твои слова меня не тронули! Твое желание помочь слишком слабое!

Одержимый обнажил меч и встал в стойку для выпада.

Вытянул вперед левую руку и сжал, словно хватал что-то. Распахнутые глаза колдуна жутко пульсировали.

Одержимый рассмеялся.

Чтобы утолить свою жажду.

Чтобы услышать крики агонии.

— Ладно! Я научу тебя, что значит отчаяние! Сыграем, охотник на ведьм!

Начнем отчаяние.

Они оба закричали, выражая свои желания.

Мечи столкнулись.

http://tl.rulate.ru/book/101721/3793396